
ЗНАНИЯ И УМЕНИЯ СИЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

О.А. Кадилина

Кафедра теоретической и прикладной лингвистики
Кубанский государственный университет
ул. Ставропольская, 149, Краснодар, Россия, 350040

В работе рассматривается понятие сильной языковой личности, выявляется ее сходство и отличие от понятия «языковая личность» на основе сопоставления знаний и умений одной и другой, что проявляется в речевой коммуникации; на примере произведений Д. Карнеги изучается мотивация людей стать сильной языковой личностью.

В современной лингвистике принято различать языковую и коммуникативную компетенции. «Под языковой компетенцией понимают *знания* говорящим языка, прежде всего знания значений лексем и граммем (knowledge), в то время как коммуникативную компетенцию определяют как *умения использовать язык* в реальном общении (ability to use knowledge) (Н. Хомский). Коммуникативная компетенция — это выработанное умение осуществлять общение в его различных регистрах для оптимального достижения цели (В.И. Карасик)» [4. С. 220].

Основой эффективного социального взаимодействия является *рефлексивная речевая деятельность* [5. С. 154], т.е. сознательное и целенаправленное использование для реализации своих интересов языка как всепроникающего социального феномена, а также инструмента, организующего опыт и управляющего социальной действительностью. Некоторые авторы (напр., [1]), касаясь кибернетических свойств языка, полагают, что он как семиотическая система является *инструментом программирования* даже на фонемном и лексемном уровне, управляя не только сознанием, но и физиологией человека. Результатами публичной речи могут стать явления, которые изменяют ход исторического развития, движут огромными социальными группами, армиями, приводят к падению режимов и государств, словом, воздействуя на социальное сознание, вызывают силы огромного энергетического потенциала [6. С. 91]. Таким образом, умение оказывать воздействие на аудиторию — один из ярких признаков сильной языковой личности в процессе межличностной коммуникации.

Исследования А.А. Романова и Е.Г. Романовой показали: измерение речевого поведения языковой личности через ее отношение к уровням дискурсивных образований любого порядка дает возможность анализировать отношения между партнерами: это ориентация на партнера — на себя персонально — на окружающих — против партнера, но не против людей — против всех — на равенство со всеми — на доминирование — на подчинение в процессе коммуникативной интеракции. Кроме того, оказывается возможным выйти на «программирование (формирование) *суггестивного потенциала* такой личности, раскрывающего объем изменений внутренней картины мира, необходимого для соответствующей

адаптивности личности с учетом поставленных целей и задач» [7. С. 124]. Отсюда следует, что одним из показателей сильной ЯЛ является **адаптивность**.

Н.Г. Закутская заметила такую тенденцию: те коммуниканты, которых можно было бы отнести к типу «сильных, волевых» личностей, в межличностном общении стремятся использовать для побуждения преимущественно прескриптивные (предписывающие действие адресата) директивные речевые акты, часто не считаясь со статусом собеседника и с обстановкой общения, в которой уместнее было бы использовать более «мягкий», например, реквестивный тип директивного речевого акта [2. С. 108—109]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что понятия «сильная личность» и «сильная языковая личность» не находятся в прямой зависимости, первое качество не предопределяет второе. То есть можно быть сильной личностью, но при этом оказаться слабой языковой личностью.

О.Б. Сиротина выступает против отождествления терминов «элитарная речь» и «хорошая речь», поскольку главный признак хорошей речи — ее понятность, доступность, а элитарность предполагает «невсеобщность», исключительность, даже, в соответствии со значением дополнительной коннотации, «чего-то оторванного от народа, непонятого ему» [8. С. 223]. Отмечая, что не может быть прямого отождествления качества речи и уровня речевой культуры ее производителя, О.Б. Сиротина, вместе с тем, считает несомненным то, что речь носителя элитарного типа речевой культуры превосходит по своим качествам речь носителя любого другого типа. «Определить тип речевой культуры по хорошей речи невозможно, а вот по плохой — можно» [8. С. 224]. Поэтому исследователь предлагает по отношению к сильной / слабой ЯЛ не оперировать терминами «хорошая / плохая речь», а говорить о принадлежности к элитарному, среднему или слабому типу речевой культуры. «Принадлежность к элитарному типу речевой культуры — более редкой и лучшей, чем другие типы, означает не только знание и владение ортологическими и функционально-стилевыми нормами, но и... выработанность навыков самоконтроля... отсутствие самоуверенности... уважение к собеседнику, партнеру и вообще к людям, тягу ко всем знаниям, к искусству, литературе в их лучших проявлениях и т.д.» [8. С. 224]. Представляется, что в этом определении перечислено то, что ранее называлось словом «интеллигентность» — в самом положительном смысле, с коннотацией одобрения, оптимальным проявлениям гуманности, человечности.

Среди ярких примеров англоговорящей сильной языковой личности одно из первых мест занимает, несомненно, Дейл Карнеги, который «создал единственную в своем роде систему обучения — удивительный комплексный курс, охватывающий практику публичных выступлений, искусство убеждать, проблемы взаимоотношений между людьми и прикладную психологию» [9. С. 32].

Карнеги — американский специалист в области человеческих отношений. Содержание всех его книг — это набор всяческих правил достижения успеха в жизни. А понятие правил в современных гуманитарных науках претендует на роль, аналогичную той, какую понятие законов играет в науках естественных.

Изучение и анализ языка книг Д. Карнеги и помещенных в них предисловий позволил нам выявить ряд репрезентированных в них мотивационных причин для того, чтобы стремиться стать сильной языковой личностью в англоговорящем обществе:

1. Востребованность сильной языковой личности в деловом и бытовом общении: «Вначале мой курс ограничивался только областью ораторского искусства и имел целью практически научить взрослых людей быстро реагировать и излагать свои мысли — как в ходе деловых разговоров, так и при выступлениях перед широкой аудиторией — более ясно, убедительно и уверенно. Однако с течением времени я постепенно понял, что как бы остро ни нуждались эти люди в приобретении навыков публичных выступлений, еще важнее для них было научиться *тонкому искусству обращения с людьми при повседневных деловых встречах и личных контактах*» [3. С. 34].

2. Важность быть (и ощущать себя) сильной языковой личностью практически для всех социальных слоев англоговорящего общества, без исключения: «Это в равной степени справедливо *и для домашней хозяйки, архитектора или инженера*» [3. С. 35].

Среди своих слушателей, резко изменивших жизнь к лучшему после овладения ораторским мастерством и практическими навыками сильной языковой личности, Д. Карнеги называет довольно пестрый контингент, это, например, «умудренный опытом делец, выдавший виды торговец произведениями искусства, человек весьма светский, бегло говорящий на трех языках и окончивший два университета за границей»; это немец-аристократ, представитель старой школы, «предки которого в течение ряда поколений были кадровыми офицерами при Гогенцоллернах»; это «старый житель Нью-Йорка, выпускник Гарвардского университета, человек состоятельный (он владелец крупной фабрики по производству ковров), чье имя занимает видное место в светском справочнике» [3. С. 39—40].

3. Среди наиболее сильных мотиваций в англоговорящем обществе — получение высокой заработной платы, больших доходов, расширение производства: «...Преуспевание в *финансовом* отношении даже специалистов, занятых в таких технических отраслях экономики, как машиностроение, примерно лишь на пятнадцать процентов обуславливается их техническими знаниями и на семьдесят пять процентов — умением обращаться с коллегами» [4. С. 35].

«Рядовые представители... любой профессии всегда имеются в избытке. А вот человек, обладающий техническими знаниями и к тому же способностью излагать свои мысли, брать на себя руководящую роль и порождать в людях энтузиазм, — такой человек будет *получать повышенную оплату*» [3. С. 35].

«Применяя эти принципы, бесчисленное множество коммерсантов резко расширили свои торговые операции, а многие из них *завели новые счета в банках*, — счета, открытия которых они до тех пор тщетно добивались. У административных работников повысились и *авторитет, и жалованье*» [3. С. 38—39].

«Обучение на наших курсах... обеспечило ему перевод на более *высокооплачиваемую* должность» [3. С. 39].

Есть основания полагать, что данная мотивация становления сильной ЯЛ нехарактерна (а если и характерна, то в гораздо меньшей степени, пожалуй, как исключение) для России, даже на современном этапе.

4. Недочеты системы образования Америки (по крайней мере, до второй половины 50-х гг. XX в): «Но до настоящего времени не известно, чтобы общий практический курс такого рода, предназначенный для взрослых, имелся *хотя бы в одном из колледжей страны*» [3. С. 36].

«...С помощью нашей системы обучения он за четырнадцать недель больше узнал о тонком искусстве воздействия на людей, чем за четыре года пребывания в *колледже*» [3. С. 40].

5. Стремление к лидерству, желание выделиться, быть замеченным среди многих других людей, достижение максимальных высот на карьерной лестнице, влияние на окружающих, самореклама: «Они увидели, что *наиболее крупные успехи в деловом мире* выпадали на долю людей, обладавших вдобавок к своим знаниям еще и *способностью хорошо говорить*, склонять людей к своей точке зрения и рекламировать себя и свои идеи. Они вскоре обнаружили, что для того, *кто стремится занять капитанский мостик* в сфере промышленности или финансов, важнее располагать определенными личностными качествами и *уметь говорить*, чем знать латинские глаголы или иметь диплом Гарвардского университета» [9. С. 23].

«Антимотивацией» СЯЛ здесь выступают ненужность получения классического филологического образования (знать латинские глаголы) или окончания престижного вуза — видимо, потому, что это ничего не дает для реальных речевых умений.

6. Избавиться от страха перед речевой коммуникацией: «На лекциях Карнеги рассказывает, что все эти годы он зарабатывал средства к жизни не тем, что учил людей искусству публичных выступлений. Это было его побочным занятием. Он заявляет, что главная его задача сводилась к тому, чтобы помочь людям *побороть страх и обрести смелость*» [9. С. 32].

7. Улучшение внутриличностного самоощущения и отношений в семье. Так, после обучения у Д. Карнеги предприниматель «*чувствует себя гораздо более счастливым и на работе, и в кругу семьи*» [3; 2. С. 38].

«...Очень многие жены слушателей говорили мне, что их *семейная жизнь стала намного благополучнее* с тех пор, как их мужья прошли наш курс обучения» [3. С. 39].

8. Стремление к самосовершенствованию: «Этих мужчин и женщин, жаждущих самоусовершенствования, захватила перспектива работы...» [3. С. 37].

«По окончании курса слушатели организуют собственные клубы и *в течение долгих лет продолжают собираться* на них каждые две недели. В Филадельфии одна такая группа... встречается... уже в течение семнадцати лет» [9. С. 33].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Вашикевич Н.* Системные языки мозга. — М., 1998.
- [2] *Закутская Н.Г.* Директивные речевые акты как средство характеристики психологических особенностей личности // Социальная власть языка. — Воронеж, 2001. — С. 106—112.
- [3] *Карнеги Д.* Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. Как выработать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично. Как перестать беспокоиться и начать жить / Пер. с англ. З.П. Вольской и Ю.В. Семенова. — М., 1989.
- [4] *Красавский Н.А.* О формировании коммуникативной компетенции студентов языкового факультета // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты. Мат-лы 6-й Всероссийской науч. конф (Ульяновск, 17—20 мая 2006 г.) / Отв. ред. проф. А.В. Пузырев. — М.; Ульяновск, 2006. — С. 220.
- [5] *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. — М., 1997.
- [6] *Лювайтес Е.В.* Современная риторика в социальном политическом измерении // Язык. Дискурс. Текст: Междунар. науч. конф., посв. юбилею В.П. Малащенко (РГПУ, Лингвистический институт, 11—12 марта 2004 г.). — Ростов-на-Дону, 2004. — С. 90—96.
- [7] *Романов А.А., Романова Е.Г.* Языковая личность в суггестивной парадигме // Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Мат-лы Всероссийской науч. конф. — М.; Пенза, 2001. — С. 122—124.
- [8] *Сиротинина О.Б.* Элитарная речевая культура и хорошая речь // Хорошая речь / Под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. — Саратов: Изд-во Саратовского госуниверситета, 2001. — С. 222—228.
- [9] *Томас Л.* Кратчайший путь к известности // Карнеги Д. Указ. соч.— М., 1989. — С. 21—33.

INTERPERSONAL COMMUNICATION KNOW-HOW OF EFFECTIVE LANGUAGE PERSONALITY

O.A. Kadilina

Department of Theoretical and Applied Linguistics
Kuban State University
Stavropolskaya str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

The article considers effective language personality concept, reveals its similarity and difference from «language personality» concept on the know-how comparison basis of one and another, which appears in oral communication; case study of D. Carnegie writings is the motivation to become effective language personality.